

О.А. Красненко

**КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ М. ВЕБЕРА
В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ**

Статья содержит основные результаты исследования, посвященного выявлению эвристических возможностей концепции власти Макса Вебера в исследованиях политической культуры. На основании изучения ряда работ немецкого социолога, посвященных проблемам политики, автор формулирует и анализирует его концепцию как целостную, логически непротиворечивую систему взаимосвязанных идей. Одновременно проводится проверка актуальности теоретико-методологических положений концепции на примере политической культуры Великобритании и России.

Ключевые слова: *власть, господство, легитимность, лидерство, харизма, элита, политическая культура.*

Key words: *power, supremacy, legitimacy, leadership, charisma, elite, political culture.*

Теоретические взгляды Макса Вебера на проблемы политической власти характеризуются методологическим индивидуализмом, использованием идеальных типов для анализа политических явлений и попыткой избежать ценностных суждений. Целью данной статьи является реконструкция основных теоретико-методологических положений его концепции власти и их верификация на примере политической культуры Великобритании и России.

Изучение базы источников, включающей труды М. Вебера, затрагивающие проблемы политической власти, — «Хозяйство и общество», «Политика как призвание и профессия», «Национальное государство и народнохозяйственная политика», «Парламент и правительство в новой Германии», «Протестантская этика и дух капитализма» — позволяет выявить следующие блоки теоретических положений его концепции: «власть, господство, легитимность», «проблемы политической власти в национальном государстве» и «этические аспекты политической власти».

Начнем с характеристики первого блока. Феномен власти в интерпретации Вебера носит, с одной стороны, вероятностный, а с другой, многоликий характер. «Власть обусловлена просто шансом действующего лица на то, чтобы навязать свою волю другому индивиду даже при условии сопротивления со стороны последнего» (Weber 1972: 122). Существуют разные виды власти: *социальная власть*, т.е. власть, основанная на красоте, знании, престиже и т.д.; *экономическая власть*, т.е. власть, основанная на обладании финансами, средствами производства и т.д.; *политическая власть*, т.е. власть, признаваемая в силу закона, традиции, харизмы и поддерживаемая возможностью использования легитимного насилия. Для целей нашего исследования обратимся к последней ее разновидности.

По мнению Вебера, политика характеризуется господством, осуществляемым одними людьми над другими; само же господство является институализированной формой власти. Следовательно, политическая власть — наиболее сильная форма власти, подкрепленная соответствующими социальными институтами и предполагающая наличие господина в системе отношений и подчинение ему. В «Экономике и обществе» Вебер имеет в виду, в первую очередь, политическую власть (господство), предполагающую возможность не только отдавать приказания, но и обязанность подчиняться им. Если подчинение отсутствует, то можно говорить о чем угодно, только не о господстве.

Основания для повиновения «снизу» (основания легитимности) могут быть разными — это и материальная заинтересованность управляемых, получающих выгоды от данного режима, или же их элементарная слабость, неорганизованность, выражаемая в неспособности ему противостоять. Однако сам М. Вебер в качестве классифицирующего признака выбирает моральную убежденность подчиненных в праве господина на власть. Исходя из этих внутренних мотивов (убеждений), вызывающих повиновение масс, он выводит свою типологию господства: традиционное, легально-рациональное и харизматическое.

В «Хозяйстве и обществе» Вебер разрабатывает детальную характеристику каждого типа господства. Традиционное господство он в свою очередь разбивает на несколько подвидов: геронтократическое, патриархальное, патримониальное и феодальное. Легально-рациональное господство означает господство порядка обезличенных законов и правил, а основными его субъектами являются политики и чиновники. При этом бюрократия обладает рядом преимуществ перед выборными должностными лицами, так как в силу своей обезличенности и постоянства имеет монопольный доступ к определенным видам служебной информации. Немецкий социолог разрабатывает «кодекс» поведения бюрократии, чтобы уменьшить ее тенденции к злоупотреблению властью. В целом, М. Вебер, в отличие от своего предшественника К. Маркса, положительно расценивает появление и функционирование бюрократического аппарата — при условии соблюдения этических правил.

Следующий тип господства — харизматический — основан на внеобыденном даре господина (харизме) и безоговорочной вере в нее его последователей. «Харизма есть великая революционная сила в связанных традициями эпохах. В отличие от революционной силы “ratio”, которая действует или извне (путем изменения жизненных обстоятельств и жизненных проблем и посредством этого изменения отношения к ним), или путем интеллектуализации, харизма может быть преобразованием изнутри, которое, будучи рожденным из нужды или воодушевления, означает изменение главных направлений мышления и действия при полной переориентации всех установок ко всем отдельным жизненным формам и к “миру” вообще» (Вебер 1988: 142). Партийный лидер, по мнению Вебера, — самый распространенный тип носителя политической харизмы в условиях плебисцитарной демократии.

В наше время легально-рациональный тип господства характерен как для политической культуры Великобритании, так и для политической культуры России. В первом случае он представлен выборными политиками (членами Парламента и кабинета министров) и рядовыми чиновниками, во втором случае — категорией А государственных служащих (Президент, Премьер-министр, депутаты Государственной Думы) и вспомогательными категориями чиновников Б, В (советники и помощники госслужащих категории А, а также другие представители органов исполнительной власти). Партийное харизматическое лидерство более характерно для политической культуры Великобритании, его носитель обычно становится премьер-министром. В случае с Россией харизматический лидер приходит к власти либо при помощи оппозиционного общественного движения, либо формирует это движение (политическую партию) уже после своей инаугурации. Традиционное господство, представленное властью монарха, сохранилось только в Великобритании.

Второй блок «Проблемы политической власти в национальном государстве» представлен теоретическими положениями о формировании единой нации, сохранении и расширении территории, эффективном управлении. Анализируя феномен государства, Вебер акцентирует свое внимание, в первую очередь, на таких его аспектах, как нация и территория, а также на насилии как специфическом средстве поддержания легитимного порядка внутри него. По мнению англо-американского исследователя наследия Вебера Франка Паркина, социологии немецкого ученого вообще свойственна терминология жестокости, принуждения и насилия: «Там, где преобладает гармония и порядок, не всегда отсутствует угроза использования силы. Внутри бархатной перчатки всегда находится железный кулак» (Parkin 1993: 71).

В своей фундаментальной работе «Хозяйство и общество» Вебер последовательно проводит идею о том, что нация и государство — это два образования, необходимые друг другу для совместного выживания. При этом нация должна стать государством, чтобы защищать границы своего культурного сообщества от «эрозии» и посягательств со стороны «приветливых»

соседей (Виноградов 2006: 194), в свою очередь, и государство должно стать нацией, чтобы заложить основы внутреннего единства. «Нация — это понятие, которое в результате эмпирических исследований однозначно не определяется. Оно свидетельствует о том, что нация в определенный момент требует наличия чувства солидарности между определенными человеческими группами для сохранения единства» (Weber 1972: 528). Анализ политической культуры Великобритании и России показывает, что сегодня формирование единой национальной идентичности затруднено обратными процессами мультикультурализма и международными стандартами соблюдения прав человека.

Любое государство для существования и развития должно занимать определенный географический ареал (территорию). Вебер, в отличие от К. Маркса, который также акцентирует внимание на «насилии» как средстве поддержания господства внутри государства, первым заявляет о необходимости защиты территориальных границ данного образования. Однако Маркс не считает нужным защищать территорию политического союза господства и подчинения, так как полагает, что в случае социальной революции пролетариат захватит государственную власть и сделает весь мир своим домом без границ (идея мировой социалистической революции). Вебер видит назначение государства (именно национального государства) не только в том, чтобы защищать свои границы, но и в том, чтобы их расширять. Он считает, что каждое мощное политическое образование стремится к увеличению своих территорий, и, тем самым, к росту своего влияния по отношению к другим государствам. «Власть для политического сообщества означает власть для него, как и престиж, основанный на этой власти. Для бюрократа и офицера расширение власти означает больше государственных позиций... и лучшие возможности для продвижения по службе» (Weber 1968: 911). Следовательно, пограничные государства представляют собой потенциальную угрозу друг другу, так как нуждаются в дополнительной территории для роста «организма». Сегодня задача защиты территориального единства государства осуществляется посредством членства стран в соответствующих военно-политических блоках. При этом возможности по расширению территорий современных государств фактически исчерпаны, так как мир поделен, что закреплено в международных актах. Альтернативой территориальной экспансии современного «государственного организма» может служить увеличение его экономического, политического и культурного влияния в глобальном масштабе.

Эффективность управления государством, по мнению Вебера, зависит от следующих составляющих — баланс власти, соответствие состава правящей элиты уровню развития общества, развитая политическая культура населения. При этом баланс власти должен базироваться на смешении трех типов господства (Вебер 2003б: 236) — традиционного (монарх), легально-рационального (бюрократия) и харизматического (партийный лидер). Сегодня это

требование выполняется только для политической культуры Великобритании, что отчасти объясняет ее стабильность и процветание. «Монархия — это традиция, связанная в сознании британцев с имперским могуществом их страны, ушедшим в историю, и одновременно единственный институт, символизирующий преемственность власти. По мнению ряда конституционных историков, при проведении социальных и политических реформ корона благодаря ее постоянству и нейтральности служит одним из стабилизирующих факторов общественной жизни, конституционным прикрытием для радикальных преобразований и углубления демократии» (Остапенко 2006: 157, 158). В целом Вебер при разработке своей «социологии власти» всегда ориентируется на Великобританию как на воплощение идеала общественно-политического устройства.

Соответствие состава правящей элиты социально-экономическому уровню развития общества — следующее условие эффективности государственного управления. В своей работе «Национальное государство и народно-хозяйственная политика» Вебер утверждает, что опасно и несовместимо с интересами общества, если политическая власть в капиталистическую эпоху находится в руках класса, переживающего экономический упадок (т.е. юнкеров-феодалов), и еще хуже, когда ею располагают классы политически незрелые (т.е. пролетариат) (Вебер 2003а: 36). Требование соответствия состава правящей элиты социально-экономическому уровню развития общества выполняется для политической культуры Великобритании, так как состав правительства соответствует постиндустриальному этапу развития ее общества, поскольку большинство представителей Кабинета имеют ученые степени и являются выходцами из семей интеллектуалов.

Немецкий социолог полагает, что развитию политической культуры населения способствует политическое воспитание. «Мы видим противоположность политическому воспитанию, когда пытаемся сформулировать параграфы вотума недоверия, направленные против мирного социального будущего нации, или же когда *Brachium saeculare* (светская власть — *О. К.*) шарит в поисках руки Церкви для опоры светских властей» (Вебер 2003а: 38). В процессе исследования политической культуры Великобритании и России выявлено, что не только политическое воспитание, но и религиозное мировоззрение оказывает значительное влияние на уровень развития политической культуры населения. «Приписывать англичанам XVII в. единый «национальный характер» исторически просто неверно. «Кавалеры» и «круглоголовые» ощущали себя в те времена не только представителями разных партий, но и людьми совершенно различной породы... С другой стороны, установить характерологические особенности английских *merchant adventurers* (купцов-авантюристов — *О.К.*) и их отличие от ганзейских купцов столь же невозможно, как и вообще констатировать какое-либо глубокое различие между особенностями немецкого и английского характера в позднее средневековье, не считая тех черт, которые сложились под непосредствен-

ным влиянием исторических судеб обоих народов. И лишь неодолимое воздействие религиозных движений — не только оно, но оно в первую очередь — создавало те различия, которые мы ощущаем и поныне» (Вебер 2006а: 49, 50). Так, кальвинистский элемент англиканства (отсутствие права исповеди и необходимость доказывать свою избранность методическим трудом) обуславливает политическую активность населения Великобритании, а его лютеранская составляющая, характеризующаяся созерцательностью мировосприятия и покорностью в отношении с властями, является залогом политической стабильности системы.

Совокупность теоретических положений Вебера, посвященных этическим аспектам политической власти, носит спорный и неоднозначный характер с точки зрения их приемлемости в реальной политике, хотя, конечно, они не лишены оригинальности и стоят того, чтобы быть проанализированными в качестве составной части его концепции власти. Так, политические мыслители разных времен и народов признают наличие противоречия между морально одобренной целью осуществления политической власти (онтологического добра) и средствами ее достижения. Некоторые из них решают данную дилемму в пользу реализуемой цели, ибо любая деятельность, в том числе и политическая, оправдывается только ее эффективностью. Среди сторонников данного подхода можно упомянуть Н. Макиавелли («Государь»), Т. Гоббса («Левиафан»), С.Г. Нечаева («Катехизис революционера»). Другие мыслители (И. Кант, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В.С. Соловьев), наоборот, полагают, что любое политическое действие обусловлено нравственными нормами, признавая приоритет нравственно одобренных средств над эффективностью осуществления политической власти. Например, И. Кант утверждает, что «истинная политика не может сделать шага, не присягнув морали» (Кант 1994: 49).

Сам М. Вебер является представителем неокантианства (Р. Риккерт, В. Виндельбанд), которое наделяет религиозную сферу исключительным статусом ориентира для других сфер культуры. По мнению Ч. Тернера, Вебер поначалу пытается поддерживать целостность этого этического императива, но затем отказывается от этого. «Вебер действительно наделяет “политическое” исключительным статусом. В то время как религия, сексуальность, искусство, наука и даже экономическая сфера могут быть определены в терминах отличий, свойственных им, “политическое” является единственной сферой, которую он не определяет в терминах системы ценностей, установленных неокантианством» (Turner 1995: 149). Ученый осознает, что политическая власть не всегда бывает эффективной и благие цели не всегда реализуются с помощью благих средств. «Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: “Не противостоять злу насилием”, — то для политика имеет силу прямо противоположное: ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответственен ты» (Вебер 2006б: 521). В качестве иллюстрации справедливости данного утверждения можно привести

пример изоляционистской политики Великобритании, проводившейся в период между Первой и Второй мировыми войнами с целью поддержания мира мирными средствами. «Многие демократы Запада и США отпрянули с поля репрезентации самого по себе, став сбивчивыми и двусмысленными защитниками разоружения, нежестокости, мира “любой ценой”. Это сформировало культурный фрейм изоляционистской политики Британии и США... Возможно, агрессивные амбиции милитаристского нацизма сделали невозможным поддержание этой двусмысленности, в которой прибывали Британия и США вплоть до начала Второй мировой войны и до ее середины» (Alexander 2004: 202). Таким образом, М. Вебер, формально находясь в стане последователей И. Канта в отношении вопросов осуществления политической власти, фактически является сторонником первой группы мыслителей, которые признают приоритет целей политики над использованием нравственных средств.

Мы утверждаем, что для того чтобы цели политики были оправданы, нужно повысить нравственные требования к тем, кто стремится взять «бразды правления» в свои руки. Такой же точки зрения придерживается и Платон. В своем «Государстве» он последовательно доказывает, что власть в обществе должна принадлежать мудрецам-правителям, ведущим аскетический образ жизни и не предающимся земным благам, при этом лучшей формой правления может быть только аристократия (т.е. власть избранных). П. Сорокин также считает необходимым ужесточение тестирующего механизма по отношению к тем, кто управляет обществом, приводя примеры из истории правящих элит Древнего Китая и Индии. «В Индии аристократия и аристократическая элита оказываются просеянными через два самых серьезных сита: семья и школа. Ее тестировали биологически, интеллектуально и нравственно. В результате мы имеем самую могущественную аристократию, отобранную биологически и социально» (Сорокин 1992: 413). В современной Великобритании разработаны и эффективно используются морально-этические кодексы для регулирования поведения каждой категории государственных служащих.

Однако Вебер предлагает выбор целей и средств политики отдать на усмотрение харизматическому лидеру, ибо последний наделен такими необходимыми качествами, как глазомер, дистанция по отношению к себе/другим и ответственность, следовательно, может принимать объективно оправданные решения. «Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf) в его высочайшем выражении» (Вебер 2006б: 487). При этом категория политической ответственности заслуживает особого внимания, так как именно на ней Вебер строит свою «этику ответственности», которой должен следовать тот, кто призван осуществлять политическую власть. В современном понимании политическая ответственность означает совпадение обещаний политиков с их реальной практикой, а также соотношение между реальными проблемами в обществе и их осознанием политиками. «Ответственность

власти — это эффективное руководство страной, обеспечивающее ее движение вперед в экономике, социальной, духовно-нравственной, культурно-образовательной, научно-технической, оборонной и других сферах». Содержание понятия политической ответственности может быть усилено добавлением в нее этической компоненты и, следовательно, превращением последней в категорию нравственной ответственности субъекта власти, которую следует понимать не как ответственность за чистоту своих поступков, но как способность взять ответственность за жизнь другого человека.

Сам М. Вебер понимает политическую ответственность как «ответственность перед политической деятельностью»: «Она (страсть — *О.К.*) не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности» (Вебер 2006б: 517). Категории ответственности соответствует категория вины, которая в трактовке Вебера приобретает следующее содержание: «Поэтому я теперь могу сказать: это копанье в чувствах вины, которое я часто встречаю, — болезнь. Совершенно такая же, как в области религии самобичевание, в сексуальной — мазохизм» (Вебер 2007: 508). Сопоставляя понимание Вебером обоих понятий (вины и ответственности), мы можем говорить скорее о политической безответственности созданного Вебером образа политика по призванию, чем о его ответственности за последствия политического выбора.

К сожалению, подобное понимание политической ответственности (ответственности власти) Вебер, видимо, заимствует из лютеранского, а не из кальвинистского религиозного контекста, для которого свойственно более строгое понимание данной категории ввиду невозможности покаяния. Это и неудивительно — ведь и сам исследователь является в первую очередь носителем лютеранского религиозного мировоззрения. В соответствии с данным направлением религиозной мысли верующему достаточно принять «простодушный вид» кающегося за непредвиденные последствия своих действий в мистическом общении с Богом, и этого будет достаточно для отпущения грехов. «В лютеранстве же “*unio mystica*” (“единение с Богом” — *О.К.*) сверх того сочеталось с глубоким ощущением греховности и осознанием себя недостойным милости Божьей, что должно служить предпосылкой “*poenitentia quotidiana*” (“ежедневного покаяния” — *О.К.*), направленной на сохранение в душе лютеранина смирения и наивного простодушия, необходимых для прощения грехов (Вебер 2006а: 88). Сложность и неоднозначность нравственной стороны осуществления власти заставляет Вебера полностью не отказываться от христианской этики в данной сфере: «И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”» (Вебер 2006б: 527).

С «высоты» сегодняшнего дня мы полагаем, что решение этических проблем власти (выбор между целями и средствами, где этическое значение це-

лей не определено, обладание средством насилия) в духе Вебера, который возлагает на политика по призванию огромные надежды за правильный выбор целей и средств политики, совершенно недопустимо. Только государственный деятель, соответствующий высоким нравственным требованиям, может эффективно управлять государством и отвечать за последствия своих действий. Следует отметить, что нравственный уровень правящей элиты в целом очень сильно влияет на управляемое большинство и может направлять государство на разные пути развития. Это подтверждает и история самой Германии в XX в., когда примерно одинаковый уровень нравственности народа при разном уровне нравственности представителей власти приводил к совершенно разным результатам развития общества: к бюргерскому самодовольству благополучного мещанства (Веймарская республика), к бесчеловечной пассионарности нацизма (политический режим А. Гитлера), к всеобщему прозрению и очищению нации покаянием (формирование ФРГ при участии Великобритании и США).

Следует отметить, что отношения власти имеют двусторонний характер, поэтому ответственность за эффективное управление страной несет и само население, которое должно обладать активистской политической культурой и быть способным контролировать субъекта власти и противостоять его произволу, инициируя досрочный отзыв парламентариев, роспуск парламентов и судов и т.д. в том случае, если очевидны злоупотребления и вредоносность осуществляемой политики. Таким образом, двусторонние политические отношения предусматривают двустороннюю политическую ответственность.

Итак, верификация концепции власти М. Вебера на примере политической культуры современных обществ показывает, что его теоретические положения, содержащие требования поддержания баланса власти, соответствия типа элиты уровню развития общества, воспитания активистской политической культуры его членов, сохраняют свою актуальность и сегодня, а, следовательно, могут быть использованы не только для описания соответствующей политической системы (политической культуры), но и для выработки рекомендаций по ее усовершенствованию. Теоретические же положения, касающиеся построения единой национальной идентичности, территориальной экспансии национального государства и «этики ответственности» харизматического лидера, в настоящее время устарели, поэтому мы предлагаем дополнить их более современными, такими как формирование многонационального государства, увеличение политико-экономической мощи страны, повышение нравственных требований к лицам, претендующим на политическую власть.

Литература

Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Политические работы. М., 2003а.

Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Политические работы. М., 2003б.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006а.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006б.

Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.

Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007.

Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5.

Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. Соч. в 8 т. Т. 7. М., 1994.

Остапенко Г.С. «Всенародная бабушка» королева Елизавета II // Международная жизнь. 2006. № 6.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Alexander J. On the social construction of moral universals: the “Holocaust” from war crime to trauma drama // Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice. С., 2004.

Parkin F. Max Weber. L., 1993.

Turner Ch. Modernity and Politics in the Work of Max Weber. L., 1995.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen., 1972.

Weber M. Economy and Society. N.Y., 1968.